

Гоголь. Художник Ф.А. Москвитин.
2007 г. Холст, масло

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

Духовник Гоголя

Памяти протоиерея Алексея Расева

Часть вторая

«Вам душа моя известна больше, чем мне самому». Гоголь и протоиерей Матфей Ржевский

Аннотация: Вторая часть исследования посвящена истории взаимоотношений Н.В. Гоголя и его духовного отца, ржевского протоиерея Матфея Константиновского. Реконструированы события предсмертных дней писателя (кончина Е.М. Хомяковой, Масленица, последнее свидание с отцом Матфеем). Разъясняется церковнославянская семантика слова «требование» на полях принадлежавшей Гоголю Библии против слов святого апостола Павла: «...имея желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1, 23).

Ключевые слова: Гоголь, протоиерей Матфей Константиновский, духовничество, религиозное мировоззрение, второй том «Мертвых душ», христианское отношение к смерти

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

Part Two.

Nikolai Gogol's Spiritual Father. «You Know my Soul More than I Know Myself» Nikolai Gogol and Archpriest Matthew Rzhevsky

Abstract: The second part of the study is devoted to the history of the relationship of Nikolai Gogol and his spiritual father, Rzhevsky archpriest Matthew Konstantinovsky. The events of the writer's deathbed days (death of E.M. Khomyakova, Pancake week, last meeting with Father Matthew) were reconstructed. The article explains the Church Slavonic semantics of the word "requirement" on the margin of Gogol's Bible opposite to Saint Apostle Paul's words "...having a desire to depart, and to be with Christ" (Phil. 1, 23).

Key words: Gogol, Archpriest Matthew Konstantinovsky, ghousthood, religious worldview, the second volume of Dead Souls, a Christian attitude to death

Созданный фантазией Ивана Щеглова (Леонтьева) и Дмитрия Мережковского образ отца Матфея подвигнул художника Илью Репина изобразить его на картине «Гоголь и отец Матвей» (1901–1902) в виде некоего громадного священника, нависающего над фигуркой писателя, которого он как бы давит своими обличениями. На самом же деле как внутренний, так и внешний облик отца Матфея был совершенно иным. Третий Иванович Филиппов, ржевский уроженец, пишет в своих воспоминаниях: «О. Матвей не мог привлекать или поражать своих слушателей какою-либо чертою внешней красоты; он был невысок ростом, немножко сутуловат; у него были серые, нисколько не красивые и даже не особенно выразительные глаза, реденькие, немножко вьющиеся светло-русые (к старости, конечно, с проседью) во-

Гоголь и отец Матвей. Художник И.Е. Репин. 1901–1902 гг. Бумага, графитный карандаш

лосы, довольно широкий нос; одним словом, по наружности и по внешним приемам это был самый обыкновенный мужичок, которого от крестьян села Еська или Диева отличал только покрой его одежды. Правда, во время проповеди, всегда прочувствованной и весьма часто восторженной, а также при совершении знаменательных литургических действий лицо его озарялось и светлело; но это были преходящие последствия внезапного восхищения, по миновании коих наружность его принимала свой обычный незначительный вид»¹.

Другой мемуарист, протоиерей Феодор Образцов, с отроческих лет знавший отца Матфея и оставивший о нем живые воспоминания, свидетельствовал на юбилейном собрании в память Гоголя в Тверской Духовной семинарии 17 февраля 1902 г.: «Прежде всего припоминаю внешний вид о. Матфея. Говорят, что он был суровый, печальный, строптивый, мрачный фанатик. Ничего такого не было в о. Матфее. Стоит только взглянуть на портрет его, чтобы усомниться в этих словах. Напротив, он всегда был жизнерадостен: мягкая улыбка очень часто виднелась на его кротком лице, когда он говорил с другими; никто не слыхал от него гневного слова, никогда он не возвышал своего голоса: всегда был ровный, спокойный, самообладающий»².

Третий Филиппов, который, как и граф Александр Петрович Толстой, был духовным чадом отца Матфея, передает рассказ об их первой встрече в ржевской Спасо-Преображенской церкви (после чего началось их взаимное сближение). «Рассказывают ржевские старожилы, – пишет он, – бывшие тому будто бы свидетелями, что когда в середине обедни, совершаемой о. Матвеем, вошел в церковь граф и сопровождавшие его местные чиновники, пролагая ему путь, произвели неизбежный при их усердии шум и смятение, то о. Матвей в произнесенной им за этою обеднею проповеди не оставил этого обстоятельства без смелого и для всех присутствовавших весьма внятного, хотя и не прямо на лицо направленного обличения, и что это именно обстоятельство, само по себе весьма естественное, но по нашим нра-

¹ *Филиппов Т.И.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // Филиппов Т.И. Русское воспитание. М., 2008. С. 350–351.

² *Образцов Ф., протоиерей.* О. Матвей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 129.

вам необычайное, и поселило в графе Александре Петровиче особенное уважение к о. Матвею. Мне никогда не случалось проверить этот рассказ спросом действующих лиц, но я нашел возможным упомянуть о нем, почитая его, по сходству с другими случаями из жизни о. Матвея, вполне вероятным: так как и проповедник в обличениях своих никогда не принимал в расчет человеческого лица, и скромный граф, как невольная причина происшедшего в церкви беспорядка, был вполне способен без ропота принять полезный для него на будущее время урок»¹.

«Как бы то ни было, – продолжает свой рассказ Филиппов, – но с этой поры между ними устанавливается духовный союз на всю жизнь. Я не могу сказать, было ли уже в душе графа Александра Петровича, еще до встречи с о. Матвеем, готовое расположение к усвоению строгих правил христианской жизни, которые он впоследствии исполнял с такою покорностью, или же эта встреча породила в нем первую мысль об обязательности этих правил для всех, следовательно – и для него самого; но то несомненно, – так как я знаю это уже от самого графа, – что в лице о. Матвея ему впервые представился никогда до знакомства с ним не виданный им образец такой именно веры, которая выражается не в одних только благочестивых размышлениях, но во всем составе жизни, в каждой подробности действий, в ежеминутном ощущении присутствия и заступления промышленяющего о Своем создании Бога, в совершенном изгнании из сердца всякого человеческого страха и всякой житейской заботы и которая одна только и заслуживает своего высокого именованя»².

До конца своей жизни отец Матфей был духовным руководителем графа Толстого, который, по словам Гоголя, стремился к нему, «как птица из клетки на волю» (из письма Гоголя к отцу Матфею из Неаполя от 9 мая (н. ст.) 1847 г.)³. Он же в свое время и благословил его принять должность обер-прокурора Святейшего Синода.

Паства отца Матфея была весьма обширна. Некоторые помещики Тверской губернии нарочно переселялись в Ржев, чтобы пользоваться его духовным руководством. Были глубоко и сознательно верующие люди из образованного класса в обеих столицах, искавшие его знакомства. Без сомнения, нуждался в нем и Гоголь. Как писал он графу А.П. Толстому из Остенде 8 августа (н. ст.) 1847 г., «нам, во всяком случае, следует искать тех знакомств и встреч, от которых хотя сколько-нибудь может похорошеть душа. Сами мы не можем дойти ни к чему без помощи других. И к Богу мы можем доходить только посредством частых обращений с людьми, тоже к Нему стремящимися» (14, 408).

Знакомство Гоголя с отцом Матвеем началось заочно по рекомендации графа Толстого. В начале 1847 г. Петр Александрович Плетнев по просьбе Гоголя послал священнику в Ржев два экземпляра только что вышедших «Выбранных мест из переписки с друзьями» (один для него лично, второй – тому, кому он захочет дать). «Я прошу вас убедительно прочитать мою книгу, – писал Гоголь отцу Матфею из Неаполя 6 февраля (н. ст.) 1847 г., – и сказать мне хотя два словечка о ней, первые, какие придутся вам, какие скажет вам душа ваша. Не скройте от меня ничего и не думайте, чтобы ваше замечание или упрек был для меня огорчителен. Упреки мне сладки, а от вас еще будет слаще. Не затрудняйтесь тем, что меня не знаете; говорите мне так, как бы меня век знали» (14, 132).

¹ *Филиппов Т.И.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 353.

² Там же. С. 353–354.

³ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 14. М.; Киев, 2009. С. 268. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

Отец Матфей ответил Гоголю, и с этих пор между ними началась переписка, которая вскоре приобрела доверительный характер. До нас дошло семнадцать писем Гоголя и одно отца Матфея. Мнение священника о книге, по всей видимости, было отрицательным. Об этом мы можем судить по ответным письмам Гоголя, который со вниманием отнесся к его наставлениям. «Все, что говорите вы об учительстве, – писал он ему 12 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя, – принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальнее и на себя и на учительство» (15, 15).

Но Гоголь не соглашался с тем, что книга его непременно должна произвести вредное действие и он даст за нее ответ Богу. Отвечая на подобные упреки, он писал в «Авторской исповеди» (1847): «Что же касается до мненья, будто книга моя должна произвести вред, с этим не могу согласиться ни в каком случае. В книге, несмотря на все ее недостатки, слишком явно выступило желанье добра. Несмотря на многие неопределительные и темные места, главное видно в ней ясно, и после чтения ее приходишь к тому же заключению, что верховная инстанция всего есть Церковь и разрешенье вопросов жизни – в ней. Стало быть, во всяком случае после книги моей читатель обратится к Церкви, а в Церкви встретит и учителей Церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему вместо моей книги другие – позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам» (6, 247–248).

Следует иметь в виду, что свою книгу Гоголь адресовал в первую очередь людям неверующим, тем, кто не ходит в церковь. «Мне кажется, – писал он протоиерею Матфею Константиновскому 9 мая (н. ст.) 1847 г., – что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие» (14, 267). Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете Евангельского слова.

К сожалению, одна фраза из письма Гоголя к отцу Матфею от 24 сентября (н. ст.) 1847 г. из Остенде была неправильно истолкована исследователями и породила весьма важное недоразумение. «Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия...» – писал Гоголь. И далее: «Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполненье всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас...» (14, 445, 446).

Эти слова Гоголя историк Николай Платонович Барсуков понял в том смысле, что отец Матфей *«советует Гоголю бросить имя литератора и идти в монастырь»*¹. Однако монашеские устремления возникли у Гоголя задолго до знакомства с отцом Матфеем. Летом 1845 г., как известно, он даже предпринял попытку оставить литературное поприще и постричься в монахи² (отзвуком этого события и явились строки о монастыре в письме к отцу Матфею).

Говоря о взаимоотношениях Гоголя с его духовным отцом, Н.П. Барсуков основывался на письмах Гоголя, изданных Кулишом (1857), и воспоминаниях Тертия Филиппова о графе Толстом (1874). Другими сведениями Барсуков не располагал. Из его переписки с Филипповым (хранящейся ныне в Государственном архиве Российской

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894. С. 571.

² См.: Воронаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2014.

Федерации) следует, что он просил сообщить материалы «об отношениях о. Матфея к Гоголю», но тот ограничился сказанным двадцать лет назад. В феврале 1894 г. Барсуков писал Филиппову: «Очень сожалею, что настроение духа Вашего помешало Вам сказать действительно доброе и полезное для всех нас слово по поводу отношений о. Матфея к Гоголю; но я утешаю себя тем, что то, что уже сказано Вами об о. Матфее, заключает в себе столько поучительного и так ясно объясняет причину подчинения Гоголя сему замечательному человеку, что не многого остается желать. Почитаю себя счастливым, что книга моя украшается таким прекрасным произведением Вашего пера, и я сердечным долгом почитаю принести Вам мою глубочайшую благодарность за дозволение для пользы общей им воспользоваться»¹.

Барсуков перепечатал воспоминания Филиппова в той части, где они касались отца Матфея, дополнил их письмами Гоголя к отцу Матфею и прибавил от себя несколько фраз, комментирующих эти письма. Труд его явился важнейшим источником сведений о взаимоотношениях Гоголя и его духовного отца. При этом слова, выделенные Барсуковым курсивом (о том, что отец Матфей будто бы советует Гоголю бросить имя литератора и идти в монастырь), стали брать в кавычки, неправомерно расценивая их как документальное свидетельство. На самом деле отец Матфей советовал Гоголю другое: «слушаться Духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей»; «оставивши все хлопоты и вещи мира <...>, повернуться во внутреннюю жизнь»; читать Евангелие, святых отцов (из письма Гоголя к графу А.П. Толстому из Остенде от середины августа (н. ст.) 1847 г.; 14, 416, 417).

Отправляясь в начале 1848 г. в путешествие к Святым Местам, Гоголь в записной книжке этой поры дважды упоминает имя отца Матфея, помещая его первым в числе тех, «чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>», и вторым (после родных) в списке лиц, коим следует писать письма (9, 696, 697). На пути в Иерусалим Гоголь пишет отцу Матфею исповедальное письмо, в котором определяет «Выбранные места из переписки с друзьями» как «какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства» – неудавшиеся вследствие неготовности собственной души, не очищенной от страстей и пороков, среди которых самый страшный – сомнение: «Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера» (15, 15, 17).

Когда произошло личное знакомство Гоголя с отцом Матфеем, в точности неизвестно. Существует версия, основанная на устных преданиях ржевских старожилов и, в частности, соборного звонаря Рафаилыча (А.Р. Есиповского), что Гоголь был в Ржеве осенью 1848 г., возвращаясь из Петербурга в Москву². Однако письма Гоголя говорят о том, что эта встреча не состоялась. Если Гоголь и побывал в Ржеве, то это могло случиться скорее всего в 1849 г.³, а познакомились они с отцом Матфеем, по всей видимости, в январе 1849 г. в Москве.

Их переписка после небольшого перерыва возобновляется в 1850 г., и тогда Гоголь входит уже в семейные дела отца Матфея: высылает ему и его сыну книги, интересуется здоровьем домашних.

Последняя встреча Гоголя с отцом Матфеем состоялась в конце января – начале февраля 1852 г. в доме графа Александра Петровича Толстого на Никитском бульва-

¹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1444. Л. 8–8 об.

² См.: *Ходаков Г.* Был ли Гоголь в Ржеве // *Ржевская правда.* 1936. 18, 20 октября. № 243, 244.

³ Современный исследователь на основании прямых и косвенных свидетельств приходит к заключению, что Гоголь приезжал к своему духовному отцу во Ржев в конце февраля – начале марта 1849 г. См.: *Виноградов И.А.* Гоголь в Ржеве в 1849 году: о неизвестной поездке писателя // *Вестник славянских культур.* М., 2015. № 4 (38).

ре. Дату приезда священника в Москву помогают установить воспоминания Третья Филиппова, который пишет, что познакомился с графом в 1852 г., «в первых числах того самого февраля, в 21-й день которого скончался живший в его доме Гоголь. В это время гостил у него приезжий из г. Ржева (Тверской губернии) протоиерей Матвей, который имел весьма важное значение как в его, так и в моей собственной жизни и которого на тот раз я пришел навестить...»¹.

Этой встрече предшествовали драматические события, имевшие роковые последствия в жизни Гоголя. 26 января умерла после непродолжительной болезни Екатерина Михайловна Хомякова, тридцати пяти лет от роду, оставив семерых детей, человек Гоголю близкий и дорогой. Она была женой Алексея Степановича Хомякова и сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, поэта Николая Языкова. Екатерина Михайловна заболела тифом на седьмом месяце беременности и скончалась «на третий день по разрешении от бремени»². Родившийся мальчик прожил несколько часов.

Смерть эта тяжело отозвалась в душе Гоголя. Наутро, после первой панихиды, он сказал Хомякову: «Все для меня кончено»³. Тогда же, по свидетельству Степана Петровича Шевырева, друга и душеприказчика Гоголя, он произнес перед гробом покойной и другие слова: «Ничто не может быть торжественнее смерти. Жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было бы смерти»⁴.

На следующий день, 28 января, Гоголь зашел к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском переулке, – спросил, где похоронят Екатерину Михайловну. Получив ответ, что в Даниловском монастыре, возле брата Николая Михайловича, он, вспоминая Вера Сергеевна Аксакова, «покачал головой, сказал что-то об Языкове и задумался так, что нам страшно стало: он, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и так долго оставался в том же положении, что мы нарочно заговорили о другом, чтоб прервать его мысли»⁵.

29 января, во вторник, состоялись похороны Хомяковой, на которые Гоголь не явился. Существует предположение, что в этот день он ездил в Преображенскую больницу для умалишенных, находившуюся в Сокольниках, к знаменитому московскому блаженному Ивану Яковлевичу Корейше⁶. В записках доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова (и только в них) упоминается об этой загадочной поездке, которую он относит ко времени после 7 февраля: «В один из следующих дней он поехал в Преображенскую больницу на извозчике. Подъехав к воротам больничного дома, он слез с санок, долго ходил взад и вперед у ворот, потом отошел от них, долгое время оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на одном месте, и наконец, не входя во двор, опять сел в сани и велел ехать домой»⁷.

¹ Филиппов Т.И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 346.

² Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852. М., 2013. С. 284.

³ Свидетельства о Гоголе А.С. Хомякова, его родных и знакомых // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. М., 2013. С. 198.

⁴ Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. М., 2012. С. 111.

⁵ Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. М., 2012. С. 887.

⁶ «В пользу указанного дня поездки говорит тот факт, что в это время Гоголь, пораженный смертью Хомяковой, находился в смятении и страшных предчувствиях, не имея духовной поддержки, и стремление встретиться с юродивым было для него, возможно, более важным, чем похороны Хомяковой» (Уракова Н. «...Прошу Вас выслушать сердцем мою “Прощальную повесть”...») (О духовных причинах смерти Н.В. Гоголя) // Лепта. М., 1996. № 28. С. 169).

⁷ Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. М., 1902. С. 17. См. также: Гоголь в воспоминаниях А.Т. Тарасенкова // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. М., 2012. С. 911.

Тарасенков не сообщает источника этих сведений. Вероятнее всего предположить, что он получил их от графа Толстого. Об Иване Яковлевиче Корейше Гоголь мог узнать от многих лиц. В частности, 10 мая 1849 г. (на другой день после празднования именин Гоголя) у Корейши побывал историк Михаил Петрович Погодин, который записал в своем дневнике: «Ездил в Преобр<аженское> смотреть Иван<а> Яковл<евича>. – Примечатель<ное> явление. Как интересны приходящие. Напишу особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил что-что и на мой счет, впрочем, не ясно»¹.

Иван Яковлевич Корейша (1783–1861) родился в семье священника Смоленской губернии Якова Корейши (похоронен в Спасо-Преображенском Авраамиевом монастыре в Смоленске). Будучи одаренным ребенком, в возрасте десяти лет Иван поступил сразу во второй класс уездного училища. Из училища в 1796 г. переведен в Смоленскую духовную семинарию, в которой обучался по 1803 г. Сорок четыре года (с 1817-го по 6 сентября 1861 г.) находился в Преображенской психиатрической больнице, куда непрерывным потоком стекались его почитатели. В конце 1820-х гг. благодаря тому, что в Преображенскую больницу назначен был доктор Василий Федорович Саблер, Иван Яковлевич переведен в светлое и большое помещение, однако он, ища тесноты, занимал всего лишь уголок большой комнаты. Он устроился у печки и никогда не протягивал ноги за однажды проведенную черту. Вся комната оставалась в распоряжении посетителей, число которых постоянно росло. К Ивану Яковлевичу стала ходить вся Москва. Люди задавали самые разные вопросы, духовные и житейские. Многим он вернул здоровье и самую жизнь, многих наставил на путь покаяния и спасения.

Корейша упомянут или непосредственно выведен на страницах художественных произведений Л.Н. Толстого (автобиографическая повесть «Юность», глава «Задумчивый разговор с моим другом»), Ф.М. Достоевского («Бесы»), А.Н. Островского («На всякого мудреца довольно простоты»), Н.С. Лескова («Маленькая ошибка»). У Толстого и Островского Иван Яковлевич остается за пределами сюжета, о нем лишь говорят персонажи; у Достоевского и Лескова он выведен как действующее лицо. Причем у Лескова под истинным именем, а у Достоевского – под прозрачным псевдонимом Семен Яковлевич.

Биографам Гоголя остался неизвестным факт посещения Корейши отцом Матфеем (на основании косвенных данных можно предполагать, что этот факт имел место в конце января или начале февраля 1852 г. и был известен Гоголю). Об этом посещении рассказывает со слов самого отца Матфея схиархимандрит Михаил (Макарий Козлов, в рясофоре Мелетий), духовный писатель (ему приписывали авторство известной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»²).

«В 1853 году мне пришлось быть в городе Ржеве (Тверской губернии), – вспоминал отец Михаил, – и беседовать с известным целой России по добродетельной жизни отцом-протоиереем Матфеем³ Александровичем, который между прочими духовными разговорами говорил о предсказании ему юродивым Иваном Яковлевичем, проживавшим несколько десятков лет в Москве при доме умалишенных:

¹ Гоголь в дневниковых записях М.П. Погодина. 1849–1851 гг. // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. М., 2012. С. 497.

² См.: Искатель непрестанной молитвы, или Откровенный рассказ странника духовному своему отцу: по новообретенной рукописи / Издание подгот. священник Георгий Павлович. М., 2014; см. также: *Пентковский А.М.* История текста и автор «Откровенных рассказов странника» // Богословские труды. Вып. 47–48. М., 2018.

³ Отец Михаил ошибочно пишет «Матфий» вместо «Матфей».

“Года два тому назад вздумал я, – говорил отец Матфей, – устроить придел во имя преподобного Дионисия, архимандрита Св<ято>-Троицкой Сергиевой лавры, в нашем Ржевском соборе, но средств к этому никаких не было. В это время по неожиданному случаю я вызван был в Москву, где по окончании своих дел вздумал посетить Ивана Яковлевича, о котором много слышал хорошего. На вопрос мой, – будет ли успех в моем намерении устроить придел в соборе? – он вместо ответа позвал к себе служителя и приказал ему принести маленький рассыпавшийся бочонок, что служитель немедленно исполнил. Иван Яковлевич начал прилежно исправлять бочонок, который через несколько минут и был готов, так что как будто несколько не был поврежден: дощечки, доньшки и обручи были все на своем месте, ни одной щелочки было не видно. Исправленный бочонок он передал мне с сими словами: ‘На-ка, посмотри, ведь, кажется, хорош будет, не потечет’ ”».

«После этого, – продолжил свой рассказ отец Матфей, – я ничего не слышал от Ивана Яковлевича и возвратился в свой город Ржев. Находясь дома, при разговоре с одним благотворительным лицом, я объяснил ему свое намерение устроить новый придел. ‘Что же, это дело хорошее, начинайте, Бог вам поможет’ – так мне ответил благотворительный собеседник и ушел из моего дома. Через несколько дней после этого разговора начали являться ко мне один по одному из богатых граждан, каждый со своим заявлением помогать доброму задуманному мною делу материальными средствами: один обещался пожертвовать кирпичи, другой – лесу, третий – написать иконы, четвертый – устроить иконостас, а пятый – заплатить за работу. И таким образом, без дальних хлопот с моей стороны, при Божией помощи и помощи благотворительных граждан наших, которых я и не просил о пособии, придел устроен был в прекрасном виде, как вы видите, через непродолжительное время. Значит, предсказание Ивана Яковлевича посредством собранного им рассыпанного бочонка сбылось со мною на самом деле”, – заключил покойный отец Матфей»¹.

Доктор Тарасенков к рассказу о поездке Гоголя сделал примечание: «По случаю дурной погоды, он мог в такую прогулку простудиться; впрочем, начало и течение болезни не показывали простудного (острого) характера. <...> В Преображенской больнице находится один больной (Иван Яковлевич), признанный за помешанного; его весьма многие навещают, приносят ему подарки, испрашивают у него советов в трудных обстоятельствах жизни, берегут его письменные замечания и проч. Некоторые радуются, если он входит с ними в разговор; другие стыдятся признаться, что у него были... Зачем ездил Гоголь в Преображенскую больницу – Бог весть»².

У Ивана Яковлевича Корейши бывали и люди высшего света: их привлекала к нему его прозорливость. Не пришло ли и к Гоголю желание узнать волю Божию о себе через Божьего человека? И вот он поехал, а в последнюю минуту убоился (страшной могла оказаться правда).

Кончина Екатерины Михайловны Хомяковой стала трагическим рубежом в жизни Гоголя: им овладевает мысль о смерти; он почти ежедневно бывает в церкви.

30 января Гоголь в своем приходе заказал панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа А.П. Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он зашел к Аксаковым, сказал, что

¹ Записки и письма обратившегося из раскола Афонского инока Мелетия, в схиме Михаила, 1850-х годов. Воспоминание о сбывшихся предсказаниях, <данных> двумя юродивыми // Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915). Тверь, 2017. С. 258. См. также: *Михаил (Козлов), архимандрит. Записки и письма. М., 1996. С. 11–12.*

² *Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. С. 17–18.*

ему стало легче. «Но страшна минута смерти!» – добавил он. «Почему же страшна? – возразил кто-то из Аксаковых. – Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отрадно думать, что он умрет». – «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», – сказал он¹.

На вопрос, почему его не видели на похоронах Хомяковой, Гоголь ответил: «Я не был в состоянии». «Вполне помню, – рассказывает Вера Сергеевна Аксакова, – он тут же сказал, что в это время ездил далеко. – Куда? – В Сокольники. – Зачем? – спросили мы с удивлением. – Я отыскивал своего знакомого, которого, однако же, не видал»².

В Сокольниках жил близкий знакомый Гоголя Московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист и находилась также дача С.П. Шевырева. По всей видимости, упоминанием о «знакомом» Гоголь скрыл свое намерение посетить Корейшу. К тому же Степан Петрович тогда был на погребении Хомяковой. Все мысли и чувства Гоголя в те скорбные дни заняты трагической смертью Екатерины Михайловны, и потому можно предположить, что цель поездки связана с событиями последних дней, и она была для Гоголя важнее похорон Хомяковой.

1 февраля, в пятницу, Гоголь – у обедни в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году приходилась на 2 февраля – праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он снова заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексея Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). «Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – мысли его были все обращены к тому миру...»³.

Разговор зашел о Хомякове. Вера Сергеевна заметила, что Алексей Степанович напрасно выезжает, потому что многие скажут, что он не любил своей жены. «Нет, не потому, – возразил Гоголь, *а потому, что эти дни он должен был бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Он должен был бы читать теперь Псалтирь, это было бы утешением для него и для души жены его. Чтение Псалтири имеет значение, когда читают его близкие, это не то, что раздавать читать его другим*»⁴.

3 февраля, в воскресенье, Гоголь опять у обедни в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице, – вспоминала Вера Сергеевна, – точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение». Гоголь снова заговорил о Псалтири. «Всякой раз как иду к вам, – сказал он, – прохожу мимо Хомякова дома и всякий раз, и днем и вечером, вижу в окне свечу, теплящуюся в комнате Кате<рины> Мих<айловны>, – там читают Псалтирь»⁵.

В первых числах февраля, по всей видимости, и произошло последнее свидание Гоголя с отцом Матфеем. Беседы со священником произвели большое впечатление на писателя. Подробности этих разговоров нам неизвестны, но их содержание отчасти передано доктором А.Т. Тарасенковым и протоиереем Феодором Образцовым. Отец Матфей напоминал Гоголю о греховности человека, об ответственности людей за свои действия и слова перед Богом, о необходимости соблюдения поста. Вот как рассказывает об этом доктор Тарасенков в своих записках о последних днях жизни Гоголя: «К этому времени (26 января 1852 г. – кончине Екатерины Михайловны

¹ Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой. С. 887.

² Там же. С. 890.

³ Там же. С. 888.

⁴ Там же. С. 891.

⁵ Там же. С. 888.

Хомяковой. – В.В.) приехал из Ржева Тверской губернии <отец> Матфей Александрович, священник, известный образцом строгой христианско-православной жизни, которого он (Гоголь. – В.В.) уважал и с которым так любил беседовать. С особенной охотой он разговаривал с ним теперь, когда размышления религиозные были ему так по сердцу. М<атфей> А<лександрович> прямо и резко, не взвешивая личности и положения поучаемого, с беспощадною строгостью и резкостью проповедовал истины Евангельские и суровые наставления Церкви. Он объяснял, что если мы охотно делаем все для любимого лица, то чем мы должны дорожить для Иисуса Христа, Сына Божия, умершего за нас. Устав церковный написан для всех; все обязаны беспрекословно следовать ему; неужели мы будем равняться только со всеми и не захотим исполнить ничего более? Ослабление тела не может нас удерживать от пощения; какая у нас работа? Для чего нам нужны силы?.. Много званных, но мало избранных... За всякое слово праздное мы отдадим отчет... и проч.»¹.

«Такие и подобные речи, – продолжает далее Тарасенков, – соединенные с обличением в неправильной жизни, не могли не действовать на Гоголя, вполне преданного религии, восприимчивого, впечатлительного и настроенного уже на мысль о смерти, о вечности, о греховности. Притом Гоголь видел, как М<атфей> А<лександрович>, преданный святым помыслам, на деле исполняет самые строгие пустынно-монашеские установления Церкви; напр<имер>, много и долго молился за обедом (? – В.В.), почти не ел (? – В.В.), не хотел благословлять стола в среду, прежде нежели удостоверится, что нет ничего скоромного и т. д. Разговоры этого духовного лица, о котором он имел самые высокие понятия, так сильно потрясали его, что он, не владея собою, однажды прервал речь, сказав ему: “довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно”»².

Заметим, что доктор Тарасенков не был участником разговоров отца Матфея с Гоголем и писал главным образом со слов графа Толстого. Следует, однако, иметь в виду, что многие его суждения, в особенности касающиеся вопросов духовной жизни, не заслуживают доверия³. Можно догадываться, что речь, помимо прочего, касалась и темы Страшного суда (по всей вероятности, беседа, о которой говорит Тарасенков, состоялась в воскресенье 3 февраля: была *Неделя мясопустная, О Страшном суде*, которая и могла послужить поводом для проповеди отца Матфея)⁴. Но у Тарасенкова не сказано, что священник предъявлял Гоголю чрезмерные требования. Да этого и быть не могло. Будучи опытным пастырем, отец Матфей прекрасно понимал, что человек в духовной жизни поднимается как бы по ступеням лестницы. В своем последнем письме к Гоголю (единственном дошедшем до нас) он говорит: «Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно» (15, 470).

Широкою известность получило свидетельство протоиерея Феодора Образцова, что во время последней встречи отца Матфея с Гоголем шла речь о литературе,

¹ Цит. по: Тарасенков А.Т. Н.В. Гоголь в последнее время жизни. <Черновой автограф> // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. М., 2013. С. 910.

² Там же.

³ См.: Воронаев В.А. Записки доктора А.Т. Тарасенкова о последних днях жизни Н.В. Гоголя: научно-критический анализ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru 2018. Т. 1. № 1. С. 23–54.

⁴ О том, чему учил отец Матфей, можно судить, в частности, по его письмам. Так, 14 апреля 1847 г. он писал одному из своих корреспондентов: «Ежели хотите душу свою спасти, читайте Евангелие и Апостол непременно всякий день, и Господь всему доброму научит и поспешит. А мало пользы и много знать, да ничего доброго не делать. Надобно жить всякому так, как ежечасно готовящемуся умереть и на Страшный суд Божий предстать. Кто этого не помнит, тот не может жить для вечности» (Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915). С. 122).

в частности – о Пушкине¹. «О. Матфей как духовный отец Гоголя, – пишет он, – взявший на себя обязанность по мере воспринятой на себя благодати очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской непостыдной кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. “Отрекись от Пушкина, – потребовал о. Матфей, – он был грешник и язычник”»².

Позволим себе высказать сомнение, что как духовное лицо, как православный священник отец Матфей мог назвать язычником православного человека, хотя бы и грешного, а тем более потребовать «отречения» от него, если он не еретик. Скорее всего, Пушкин в этом разговоре (если он имел место) олицетворял в какой-то степени нехристианскую сторону литературы. По всей видимости, отец Матфей требовал отказа не от того Пушкина, которого Гоголь знал утвердившимся в церковной жизни христианином, поэтом неумирающих красот русской души, а того, кто некогда увлеченно воспевал страсти – идолов, которых стыдился в позднейшие годы. Такой Пушкин был образцом для подражания у многочисленных литераторов и дал, по своей гениальности, целое направление в русской поэзии.

Кажется, так склонен был понимать дело и протоиерей Феодор Образцов. «Известно, что Гоголь до благоговения почитал Пушкина, – пишет он, – считая его каким-то *божеством* для себя, которое вдохновляло его в творчестве. Потому отречение от Пушкина для Гоголя было крайним актом самоотвержения. <...> Как смотрел о. Матфей на Пушкина? О. Матфей, сама поэтическая натура, – мог ли не понимать красоты пушкинской поэзии? Он отчетливо понимал, но только советовал, особенно молодым людям, осторожно читать Пушкина, говоря, что много у него хорошего, но много и греховного. <...> В суждении о Пушкине обыкновенно эта сторона – злоупотребление дарованиями – замалчивается, а между тем это злоупотребление, не допущенное в печати, сильно было распространено в рукописях среди молодежи, когда печатные стихотворения его были очень редки»³.

Напомним, что эти слова сказаны человеком, который много лет знал отца Матфея и которому в 1855 или 1856 г. довелось присутствовать при разговоре Тертия Филиппова с отцом Матфеем о Гоголе. Заметим, однако, что Пушкин вовсе не был для Гоголя неким божеством, как полагал протоиерей Феодор Образцов. Гоголь видел в Пушкине прежде всего национального гения. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, – писал он в статье «Несколько слов о Пушкине» (1835), – это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» (7, 274).

Однако это вовсе не значит, что Гоголь воспринимал Пушкина как идеал, что нередко утверждается. Идеал у Гоголя, как и у всех христиан, был один – Господь Иисус

¹ Т.И. Филиппов утверждал, что будто бы он имел «полное основание полагать, что из сочинений Гоголя о. Матвей ничего не читал, кроме “Переписки”, присланной ему самим автором, а с произведениями Пушкина и вовсе знаком не был» (цит. по: *Щеглов И.* Подвижник слова: Новые материалы о Н.В. Гоголе. СПб., 1909. С. 170). Едва ли это так. Е.Н. Бастамова, духовная дочь отца Матфея, пишет, например, в своих воспоминаниях, что тот посылал к ней «за сочинениями Гоголя, чтобы ознакомиться с ними» (Из воспоминаний Елизаветы Николаевны Бастамовой // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 249. См. также: *Бастамова (рожденная Алмазова) Е.Н.* Из личных воспоминаний о Н.В. Гоголе // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. М., 2013. С. 718.

² *Образцов Ф., протоиерей.* О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 139.

³ Там же. С. 140.

Христос. Искусство для Гоголя – отблеск небесной красоты¹. «Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, – говорит он во второй редакции повести «Портрет» (1842), – и по тому одному оно уже выше всего» (4, 114).

Все прекрасное в этом мире понимается Гоголем как отражение небесной гармонии. В «Размышлениях о Божественной Литургии» (первоначальной редакции) он пишет: «Припомни только и собери в памяти своей все прекраснейшее, что ни видал ты на земли и чем восхищался, и представь себе только то, что потому было оно прекраснейшее, что было бледное отражение великой небесной Красоты, мелькнувший край одной только ризы Божией – и вознесется душа твоя сама собой к источнику и лону Красоты и воспевает победную песню, облетая вместе с серафимами вечный престол Всевышнего» (6, 398).

По мере приобретения духовного опыта менялось и отношение Гоголя к искусству, к Пушкину в частности. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) он писал: «Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина» (6, 194).

3 марта 1851 г. Екатерина Александровна Хитрово записала в своем одесском дневнике: «Княгиня (Варвара Алексеевна Репнина-Волконская. – В.В.) было предложила читать Пушкина, но он (Гоголь. – В.В.) не согласился и ради Великого поста стал читать <митрополита> Филарета, “как все искали прикоснуться ко Христу”², что и нам возможно через причастие»³. Тем самым Гоголь подчеркнул разницу между светским чтением и духовным.

«Что заставило о. Матфея потребовать такого отречения? – вопрошает протоиерей Феодор Образцов, завершая свои воспоминания. – Он говорил, что “я считал необходимым это сделать”. Предсмертная агония Гоголя (? – В.В.) продолжалась очень долго, а такое требование было на одном из последних свиданий между ними. Гоголю представлялось прошлое и страшило будущее. Только чистое сердце может зреть Бога, потому должно быть устранено все, что заслоняло Бога от верующего сердца. “Но было и еще...” – прибавил о. Матфей. Но что же еще?.. Это осталось тайной между духовным отцом и духовным сыном. “Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни предписывает больному сильные лекарства”. Такими словами закончил о. Матфей разговор о Гоголе»⁴.

Искусство, литература всегда имели для Гоголя первостепенное значение. «Ное дело решить, в какой степени я поэт, – писал он Василию Андреевичу Жуковскому 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя, – знаю только то, что прежде чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени <...> первого свиданья нашего оно уже стало *главным* и *первым* в моей жизни, а все прочее *вторым*. Мне казалось,

¹ П.А. Матвеев передает слышанные им от И.Ф. Золотарева и других лиц слова Гоголя, сказанные в беседе с русскими художниками в Риме: «Чистая, истинная красота – хвала Богу на земле» (Матвеев П.А. Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями: историко-литературный очерк. М., 2016. С. 74).

² Имеется в виду «Беседа о прикосновении веры ко Христу» (1825).

³ <Хитрово Е.А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 556. См. также: Гоголь в Одессе. 1850–1851. Дневник Е.А. Хитрово // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. М., 2013. С. 749.

⁴ Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 140–141.

что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба» (15, 10).

Известно, однако, что участь человека зависит от его устремлений в этой жизни. «Где сокроище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 34). В этом смысле искусство (если говорить о нем как имеющем чисто земные цели), всецело обладающее душой человека, становится препятствием к достижению Царства Небесного. В свете Евангельской истины и следует, видимо, понимать требование отца Матфея об «отречении от Пушкина», т. е. от такого искусства¹.

Во время своей последней встречи с Гоголем отец Матфей исполнял свои священнические обязанности. Как духовный отец писателя, он заботился о его вечном спасении. Более того, будучи, по свидетельству многих, прозорливцем², он, по всей видимости, предвидел смерть Гоголя и старался приуготовить его к ней. Именно после отъезда отца Матфея Гоголь начинает говеть, т. е. готовиться к принятию Святых Христовых Таин.

В понедельник, 4 февраля он снова заходит к Аксаковым. По словам Веры Сергеевны, в лице его видно было какое-то утомление. Сказал, что пойдет к Хомякову, но к нему не заходил³. Это было последнее свидание Гоголя с Аксаковыми.

Вечером того же дня он заехал к С.П. Шевыреву, чтобы сказать, что «некогда ему теперь заниматься корректурами» (в начале 1852 г. Гоголь готовил к печати собрание своих сочинений). Степан Петрович и его жена, Софья Борисовна, заметили перемену в его лице и спросили, что с ним. Он отвечал, что «дурно себя чувствовал и кстати решился попоститься и поговеть» (11 февраля начался Великий пост). «Зачем же на Масленой?» – спросил его Шевырев. – «Так случилось, – отвечал он, – ведь и теперь Церковь читает уже: “Господи, Владыко живота моего!” и поклоны творятся»⁴.

Масленица (или неделя мясопустная) по церковному уставу является преддверием Великого поста: в это время уже не вкушается мясная пища. Службы по постовому чину с молитвой преподобного Ефрема Сирина и поклонами совершаются в среду и пятницу. Вероятно, слова Гоголя «ведь и теперь...» относятся ко всей Масленой неделе, а не только к понедельнику; и если Гоголь собирался говеть, то за богослужением среды он как раз должен был услышать молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего...»⁵.

¹ Впрочем, как показывает новое исследование, история с мнимым требованием отца Матфея об «отречении от Пушкина» оказалась выдумкой Д.С. Мережковского. См.: *Виноградов И.А.* «Отрекись от Пушкина!» Требовал ли этого от Гоголя протоиерей Матфей Константиновский? // *Виноградов И.А.* Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М., 2018. С. 255–266.

² Один из случаев приводится в его жизнеописании. В 1854 г., находясь в Санкт-Петербурге, отец Матфей духом провидел смерть своей жены. Он заблаговременно подготовил бумаги для отъезда и, не получая никаких известий из дома, отслужил панихиду по новопреставленной рабе Божией Марии, а на следующий день отправился в Ржев. Посланный оттуда нарочный (В. Малинин) с сообщением о кончине жены в столице его не застал (см.: *Грешинцев Н.* Очерк жизни в Бозе почившего ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского // *Странник.* 1860. № 12. С. 279).

³ См.: Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой. С. 888, 892–893.

⁴ Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева. С. 107.

⁵ По уставу в храме молитва преподобного Ефрема Сирина первый раз читается в среду на Масленой неделе, но, разумеется, эту молитву можно произносить в любое другое время, что Гоголь, судя по всему, и делал. Ольга Николаевна Смирнова, дочь Александры Осиповны, приводит его слова, сказанные за границей: «...я читаю эту молитву утром и вечером и советую вам поступать так же» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2012. Т. 2. С. 351). В 1845 г. Надежда Николаевна Шереметева послала Гоголю книгу святителя Иннокентия, архие-

5 февраля, утром, Гоголь проводил отца Матфея на станцию железной дороги. В тот же день он едет к своему духовнику, отцу Иоанну Никольскому, с которым познакомился еще в 1842 г., когда по приезде из-за границы жил у М.П. Погодина, в приходскую церковь Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дождаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг, т. е. ближайшую Божественную Литургию, так как в среду на Масленой ее служить не положено. С этих пор Гоголь прекратил всякие литературные занятия.

На следующий день, 6 февраля, он послал отцу Матфею покаянное письмо – последнее в своей жизни, – из которого видно, что беседы их проходили, по всей видимости, не гладко: «Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас. Но вдруг милость Божия чьими-то молитвами посетила и меня, жестокосердого, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела». И подписался: «Обязанный вам вечною благодарностью и здесь, и за гробом, весь ваш Николай» (15, 468).

Некоторые исследователи высказывали мнение, что слова Гоголя об обмене шубами носят символический характер: речь шла, как они думали, о желанном, но невозможном обмене мировоззрением. Однако, по свидетельству того же протоиерея Феодора Образцова, отец Матфей однажды был у Гоголя в Москве и действительно предлагал ему свою шубу, которую тот, несмотря на уговоры, не взял¹.

Письма Гоголя к отцу Матфею сохранились для потомства благодаря Третью Филиппову. В первой половине июня 1852 г. он извещал М.П. Погодина из Ржева, что был у отца Матфея и получил от него около пятнадцати писем Гоголя, которые немедленно списал. «Одно из них, вероятно, последнее из писем Гоголя, надеюсь выпросить в ваш музей: оно писано 6 февраля»². Вскоре после этого Филиппов сообщал Погодину: «В прошлом письме я говорил вам о списанных мною письмах Гоголя к отцу Матвею; третьего дня я выпросил у него одно из них в оригинале для вашего собрания. При выборе я руководствовался не занимательностью содержания, а другими соображениями. Оно, как вы увидите, по числу, последнее из его писем к о. Матвею, а может быть, и вообще из всех его писем. И вообще, писал ли что-нибудь Гоголь после этих строк?..» (письмо от 19 июня 1852 г.)³. Архив отца Матфея сгорел во время пожара в его доме в 1856 г.

Незадолго до смерти, в конце первой недели Великого поста, Гоголь получил ответ от отца Матфея. Письмо это было найдено в комнате, где умер Гоголь и которая была отведена под квартиру управляющего графа А.П. Толстого. Оно датировано 12 февраля 1852 г. и переслано Гоголю не по почте, а с оказией.

«Христианская ваша ко мне откровенность и благодушие, – писал отец Матфей, – не ошибусь, скажу – сроднили вас со мною. И потому ваши скука и душевные смущения суть вместе и мои. И потому прошу вас, не унывайте – не отчаивайтесь, во всем благодушествуйте. Как можно, если не сердце, то, по крайней мере,

пископа Херсонского и Таврического, «Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четырдесятницу» (Харьков, 1844). По словам святителя, «при всей краткости сей молитвы в ней сокрыто великое богатство святых мыслей и чувств и весьма ясно изображены наши нужды духовные» (*Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический*. Поучения на Св. Четырдесятницу на молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». М., 1995. С. 3–4).

¹ См.: *Щеглов И.* Подвижник слова: Новые материалы о Н.В. Гоголе. С. 157–158.

² *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 12. СПб., 1898. С. 226.

³ Там же.

ум ваш держите поближе к Иисусу Христу. Имя Его чаще имейте в устах: оно и далее с Ним познакомить может¹ – естественно, с условием уклоняться от мира и всего яже в нем². <...> Благодарю вас за мену шубами. Будет лето, и не нужна будет ни моя вам, ни мне ваша³. Господь видел ваше усердие ко мне, и оно уже принято. Простите, возлюбленный о Господе! Боюсь что-то я за вас – не сборол бы вас общий враг наш. Но и чувствую вместе с тем какую-то надежду, и вы не посрамитесь пред Господом в день явления славы Его. <...> Желая вам в Святой Евхаристии ощутительно вкусить и познать, сколь благ Господь наш. Прощайте и спасайтесь от рода строптивного сего. Благодать Божия да будет с вами везде и всегда – молящийся о сем, вас о Христе любящий протоиерей Матфей Александров» (15, 470).

По предположению литературоведа С.Н. Дурьлина, впервые опубликовавшего это письмо, состояние мучительного внутреннего беспокойства, которое испытывал Гоголь в предсмертные дни, объяснялось тем, что он ждал ответа от отца Матфея, прощения за нанесенное ему «оскорбление». После получения письма настроение Гоголя резко меняется: он прощен⁴. Предположение исследователя не лишено основания: Гоголь не раз говорил о том «отрадно-успокоительном» действии, которое имели на него письма ржевского священника. Эти письма он всегда носил при себе.

Насколько высоко Гоголь ценил духовное руководство отца Матфея, видно из его отзыва о нем в письме к графу А.П. Толстому от 13 апреля 1848 г. из Константинополя: «По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений...» (15, 44). А самого отца Матфея Гоголь постоянно просил молиться о нем: «Может быть, вам душа моя известна больше, чем мне самому» (из письма от 30 декабря 1850 г. из Одессы; 15, 386).

В отце Матфее многих, в том числе Гоголя, привлекали, в частности, ревностное отношение к вере и духоносное слово. Личный пример священника и его проповеди производили неизгладимое впечатление на многих. Третий Филиппов пишет о нем в своих воспоминаниях: «Смолоду наклонный к подвижнической жизни и способный перенести всякое самое тяжкое лишение, восторженным чувством художника любя великолепию православного богослужебного чина, в котором он не позволял себе опустить ни единой черты, и, что всего важнее, обладая даром слова, превосходящим всякую меру, он с первых же лет своего служения Церкви сделался учителем окрест живущего народа и везде, где ни приходилось ему действовать, делался центром, около которого собиралось все искавшее христианского пути и имевшее нужду в исцелении душевных язв, в восстановлении упавших сил и в ободрении на внутренний подвиг»⁵.

И далее: «В свою очередь и он, по собственному его признанию, был бесконечно обязан тому низко между нами поставленному, но пред Богом высокому обществу, среди которого протекли первые двадцать четыре года его учительской и пастырской деятельности. Он навсегда сохранил живое воспоминание и с восторгом и неподражаемым художеством речи передавал нам, позднейшим его ученикам, о тех поразительных проявлениях живого и деятельного благочестия между его деревенскими духовными друзьями, которых он был свидетелем, а от-

¹ Здесь отец Матфей приглашает Гоголя к постоянному богомыслию и Иисусовой молитве.

² Ср.: 1 Ин. 2, 15.

³ В этих словах, помимо прямого смысла, есть иносказательный. Здесь, как можно думать, подразумевается Лето Господне (Лк. 4, 18), т. е. жизнь будущего века, Второе пришествие Христово. Ср. также: Мф. 24, 32–33.

⁴ См.: Дурьлин С. Незданное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 67.

⁵ Филиппов Т.И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 348–349.

части и виною, и которые так и просились на страницы Четвы Минеи. О. Матвей не раз сообщал мне с некоторым даже удивлением о том впечатлении, которое его рассказы об этих высоких явлениях духа в нашем народе производили на Гоголя, слушавшего их, по библейскому выражению, отверстыми устами и не знавшего в этом никакой сытости¹. Мне это было понятнее, чем самому рассказчику, который едва ли вполне сознавал, какую роль в этом деле, кроме самого содержания, играло высокое искусство самой формы повествования. Дело в том, что в течение целой четверти века обращаясь посреди народа, о. Матвей с помощью жившего в нем исключительного дара умел усвоить себе ту идеальную народную речь, которой так долго искала и доныне ищет, не находя, наша литература и которую Гоголь, сам великий художник слова, так неожиданно обрел готовую в устах какого-то в ту пору совершенно безвестного священника...»².

Михаил Петрович Погодин, в доме которого в Москве неоднократно останавливался Гоголь, также оставил об отце Матфее свое воспоминание: «Имя Гоголя напоминает мне теперь отца Матвея, Ржевского священника, очень близкого к Гоголю. Я познакомился с ним во время одного приезда его в Москву, видел<ся> и говорил с ним раза два, и должен здесь, кстати, упомянуть, что он в особенности поразил меня образом своей речи о Промысле. Никого в жизни моей не встречал я с таким осязательным, так сказать, убеждением об участии, действии Промысла в человеческой жизни, какое он обнаруживал. Он говорил о Промысле, как бы о близком человеке, которого он видит, слышит, ощущает ежеминутно его присутствие. Во всяком слове его звучало это убеждение»³.

Отца Матфея упрекали в непонимании Гоголя как писателя. Говорили, что он запрещал ему писать светские произведения. Священник отвечал на это: «Неправда. Художественный талант есть дар Божий. Запрещения на дар Божий положить нельзя; несмотря на все запрещения, он проявится...»⁴.

Отец Матфей был последним, кто ознакомился с главами второго тома «Мертвых душ». Вероятно, это произошло во время его последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. Отец Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег второй том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить.

«— Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том Мертвых душ? — Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: Глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал. <...> Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил

¹ Подобные рассказы можно найти в книге протоиерея Алексея Расева.

² Филиппов Т.И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 349–350.

³ Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 2009. С. 264.

⁴ Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 138.

уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями»¹.

Свидетельство отца Матфея крайне важно для нас потому, что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более – судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

После смерти Гоголя в его бумагах были обнаружены пять черновых тетрадей, заключающих в себе пять неполных глав второго тома: четыре начальные главы, датируемые 1849–1850 гг., и первоначальный набросок одной из последних глав (условно называемой пятой) более раннего происхождения. Уцелевшие тетради имеют несколько слоев правки. В текст в разное время вносились исправления карандашом и чернилами, превратившие рукопись мало-помалу в черновик для последующей переписки. Вся дальнейшая работа Гоголя остается нам неизвестной. Ни одной рукописи, ни одного текста последней редакции, кроме незначительных отрывков, до настоящего времени не обнаружено.

Характерно, что в воспоминаниях современников, слушавших в чтении Гоголя второй том, речь идет почти исключительно о начальных главах, т. е. о тех, которые мы знаем по сохранившимся черновикам. Известно, что до отъезда из Москвы в Васильевку летом 1850 г. Гоголем были выправлены и переписаны набело три начальные главы, которые он читал знакомым. Примерно за полгода до этого он писал П.А. Плетневу: «Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше как *набросаны*; собственно написанных две-три и только» (15, 294).

Больше всех Гоголь прочел С.П. Шевыреву: до седьмой включительно. Но это были, по всей видимости, только наброски, во всяком случае главы эти не были отделаны. 2 апреля 1852 г. Шевырев писал двоюродной сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой: «Из второго тома он читал мне <...> семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть, по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей»².

Вероятно, и С.П. Шевыреву, и отцу Матфею были известны одни и те же главы, и, скорее всего, именно эти главы были уничтожены Гоголем перед смертью.

В словах отца Матфея о том, что в несохранившихся главах 2-го тома был изображен священник, прообразом которого послужил он сам, можно видеть еще одно подтверждение тому, что в конце февраля – начале марта 1849 г. Гоголь посетил своего духовного отца во Ржеве. «Очевидно, – пишет современный исследователь, – что для Гоголя, взявшегося изобразить во втором томе “Мертвых душ” почитаемого православного пастыря (прототипом которого, по свидетельству самого отца Матфея, стал именно он), поездка к отцу Матфею в Ржев была просто необходима. Для создания полноценного художественного образа – “живого человека”, в котором “всякий” узнал бы известного в то время в России ржевского священника, одного лишь личного общения с ним в Москве, в частной обстановке дома Толстого, Гоголю было явно недостаточно. Думается, для воспроизведения в одной или даже в “двух тетрадях” второго тома поэмы примечательных черт

¹ Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 138–139 (воспроизведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т.И. Филипповым и отцом Матфеем).

² Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева. С. 108.

быта и деятельности выдающегося церковного проповедника Гоголю важно было увидеть прототип своего героя в его привычном окружении, на общественном поприще, в ежедневном пастырском служении (в том числе при совершении Литургии, в общении с прихожанами и домочадцами, при строительстве собора, в обращении старообрядцев и пр.)¹.

Не подлежит сомнению, что ставший своего рода хрестоматийным образ отца Матфея как мрачного фанатика, едва ли не сгубившего Гоголя, крайне далек от истины. Как духовный отец писателя он не поучал его в том, что и как писать, но заботился о спасении души своего духовного сына. Невозможно отрицать его влияния на Гоголя перед кончиной в феврале 1852 г.² Но столь же несомненно, что этот священник, достигший высокой степени духовной жизни, как никто другой понимал его душевное устройство. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, – говорил он. – Наша русская жизнь немало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения <...>. Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему “нужен душевный монастырь”, а пред смертью он еще сильнее пожелал его»³.

Известно, что умер Гоголь в состоянии духовного просветления. Перед кончиной он дважды приобщился Святых Таин и соборовался елеем. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, в присутствии всех умственных сил своих, с сокрушением полного молитвой сердца, с теплыми слезами»⁴.

Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!»⁵ За этим ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1, 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «...желание имый разрешитися и со Христом быти». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 г. издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), против данного стиха неясная помета: «Требование <?>» (9, 155).

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем как церковнославянское в значении: нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов⁶. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

¹ Виноградов И.А. Гоголь в Ржеве в 1849 году: о неизвестной поездке писателя. С. 103–104.

² По этому поводу Т.И. Филиппов в примечаниях к своим воспоминаниям заметил: «Имело ли последнее свидание Гоголя с о. Матвеем влияние на его предсмертное настроение – сказать наверное не могу; но считаю его весьма вероятным, сопоставляя роковой случай с другими ему подобными и мне известными, в которых влияние о. Матвея не подлежит сомнению» (Филиппов Т.И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 354).

³ Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 137–138.

⁴ Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева. С. 109.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. С. 7.

«Рех Господеви: Господь мой еси Ты, яко благих моих не потребуеши» (Пс. 15, 2) (русский перевод: «Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах»).

«И той глаголаше им: несте ли николиже чли, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним» (Мк. 2, 25) (русский перевод: «Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?»).

«Народи же разумевше, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше (Лк. 9, 11) (русский перевод: «Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божиим и требовавших исцеления исцелял»).

В данном случае синодальный перевод 1876 г., по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «Народ же, о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божиим, и исцелял искавших исцеления»¹.

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 г. протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем², который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел.

От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев писал Я.К. Гроту 22 сентября 1848 г. из Санкт-Петербурга: «Сюда приехал Гоголь. <...> Он рассказал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из евангелистов или апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором, при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника, период выходил бы ясным, звучным...»³. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 г. он советовал ему сделать с Библией (имеется в виду Ветхий Завет) то же, что с Евангелием, т. е. всякий день переводить из нее по главе (см.: 15, 307).

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении «нужда, потребность, необходимость»). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страсотерпче, помощи требуя» (9, 294).

Впрочем, это слово без перевода понятно православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи», «просящего Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом,

¹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского. М., 2016. С. 122.

² На Страстной седмице они вместе говели в Висбадене, в Великую среду готовились к исповеди; в Великий четверг, по всей видимости, приобщились Святых Таин, читали духовную литературу о причащении, были на службе Двенадцати Евангелий; в Великую пятницу вместе читали акафисты (см. записи в дневнике В.А. Жуковского за март – май 1845 г.).

³ Свидетельства о Гоголе П.А. Плетнева // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2011. Т. 1. С. 699.

потому что это несравненно лучше...» По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть¹, и теперь она для них не зло, а приобретение (Флп. 1, 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание разрешиться от тела посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы гораздо лучше, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов»².

Известный духовный писатель епископ Варнава (Беляев), обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит благодать и человека осеняет сила Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не ожидает, а желает уже смерти, на всякий час (Флп. 1, 23)»³.

И далее: «Говоря вообще, “боязнь смерти есть свойство человеческого естества” (слова преподобного Иоанна Лествичника. – В.В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новоназначенного и только что начавшего подвизаться он конечно терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было»⁴.

Умирал Гоголь духовно просветленным, без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «Иисусе пресладостный, преподобных радование...» (Акафист Иисусу Сладчайшему)⁵. Господь даровал Своему подвижнику божественную радость и утешение. Как думается, не без молитвенной помощи своего духовного отца⁶.

¹ Ср.: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15, 54–55).

² Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и к Филиппийцам. М., 1998. С. 329–330.

³ Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Т. 4. Н. Новгород, 1998. С. 116.

⁴ Там же. С. 116–117.

⁵ В тетрадах В.А. Жуковского сохранились черновые записи (сделанные, по-видимому, во время говения) из Акафиста Иисусу Сладчайшему: «И<исусе> Х<ристе>, души моей утешение, очищение ума моего. <...> Ангелов удивление, прародителей избавление, пророков исполнение, мучеников крепости, монахов радости, пресвитеров сладости, постников воздержание, преподобных радование, девственных целомудрие, грешников спасение. <...>» (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. СПб., 2008. С. 488–489).

⁶ По свидетельству С.П. Шевырева, незадолго до кончины Гоголь говорил ему, что нашел на него страх смерти, но отец Матфей успокоил его (см.: Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева. С. 109).

Оптинский иеромонах Климент (Зедергольм) говорил, что, размышляя о смерти Гоголя, он всегда мысленно повторял слова: «Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь»¹. Изречение это, взятое из книги Премудрости Соломона (4, 17), в полном виде выглядит так: «Узрят бо кончину премудраго и не уразумеют, что усоветова о нем и во что утверди его Господь». Оно высечено на надгробии Ивана Васильевича Киреевского, погребенного в Оптиной Пустыни. Судьбы его и Гоголя во многом схожи.

Широко распространено убеждение, что причины предсмертной трагедии Гоголя следует искать в деяниях лиц, окружавших его в последние годы жизни. Уже в наше время было высказано мнение, что, «будь на месте отца Матфея, например, Оптинский старец Макарий, второй том получил бы одобрение и благословение на выход в свет»².

Подобное противопоставление отца Матфея и Оптинских старцев не ново. Вот что говорил, например, в 1902 г. профессор А.И. Смирнов в речи по случаю пятидесятилетия со дня смерти Гоголя: «Очень возможно, что, не будь в последние годы духовным наставником и руководителем Гоголя о. Матвей Константиновский, суровый и строгий обличитель, этот аскет Ферапонт Достоевского в “Братьях Карамазовых”, а будь при нем Оптинский о. Амвросий, почитатель Пушкина, этот смиренный старец Зосима Достоевского, снисходительный к людским слабостям и с большим благоволением к людям и чистым мирским, житейским радостям, – второй том “Мертвых душ” не погиб бы»³.

Заметим, что преподобный Амвросий Оптинский не был почитателем Пушкина, а держал на своем столике книгу басен Крылова, ежедневно прочитывая по две-три басни. Если же сравнить эти две великие личности – Оптинского старца и Ржевского протоиерея, то увидим в них глубокое духовное родство. В Оптиной Пустыни хорошо знали отца Матфея. Тот же старец Амвросий отзывался о нем как о человеке, «в жизни своей отличавшемся особенным благочестием»⁴.

Другой критик, П.А. Матвеев, автор книги о «Выбранных местах из переписки с друзьями», замечал в 1903 г., что в Оптиной Пустыни Гоголь «встретил мудрых иноков, благодушных и согретых истинно христианской любовью и глубоким смирением души. Они не пугали впечатлительного художника потрясающими картинами вечных мук за его авторскую деятельность, они не считали служение искусству тяжким грехом, как ржевский священник о. Матвей Константиновский, которого надо признать едва ли не одним из главных виновников сожжения второго тома “Мертвых Душ”»⁵.

Примечательно, что Константин Леонтьев, духовный сын преподобного Амвросия Оптинского, говорил, что тот «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем писанию»⁶. Прозорливый и святой старец в точности понял ду-

¹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2013. Т. 3. С. 728.

² <Антонов М.> Федоров М. Гоголь и Оптина Пустынь // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 71. См. также: Антонов М. Гоголь и Оптина Пустынь. К истории второго тома «Мертвых душ» // Учительская газета. М., 1990. Май. № 22.

³ Смирнов А.И. Из последних лет жизни и литературной деятельности Н.В. Гоголя // Русский филологический вестник. Варшава, 1902. № 3–4. С. 460–461.

⁴ Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. Сергиев Посад, 1908. С. 14.

⁵ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 728.

⁶ Аггеев К., священник. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. С. 101.

ховный смысл происшедшего – Гоголь следовал твердо воле Божией и сделал свой выбор сознательно.

Можно было бы привести много несправедливых отзывов об отце Матфее, которые, как правило, высказывали писавшие о Гоголе. Например, профессор протопресвитер Василий Зеньковский утверждал, что отец Матфей «не подходил для духовного руководства таким человеком, каким был Гоголь». Ему казалось, что в те годы «были священники с широким пониманием вопроса об отношении Церкви и культуры»¹. В качестве примера он привел архимандрита Феодора (Бухарева). Но последний, как известно, не годился в духовные наставники уже потому, что оставил священный сан и вышел из монашества в мир. В то же время от отца Феодора можно было услышать в откровенных беседах «самые почтительные, почти благоговейные отзывы об о. Матфее» (как вспоминал Николай Иванович Субботин, профессор Московской Духовной академии, специалист по истории русского раскола)².

Протоиерей Матфей Константиновский, как бы предвидя будущее непонимание в отношении себя, говорил незадолго до кончины: «Будут бранить меня, ох, сильно будут бранить. – За что же? Ваша жизнь такая безупречная! – Будут бранить, будут. – Не за Гоголя ли? – Да, и за Гоголя, и за всю жизнь мою. Но я не раскаиваюсь в жизни своей, не раскаиваюсь и за отношения мои к Николаю Васильевичу»³.

По поводу приведенного разговора автор воспоминаний, протоиерей Феодор Образцов, заметил следующее: «Свидетельствую совестию, что это точные слова о. Матфея, сказанные им за три месяца до своей смерти и лично мною слышанные». В самом деле, отца Матфея потом много бранили за Гоголя, и бранили, как видим, несправедливо.

ЛИТЕРАТУРА

Аггеев К., священник. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. [2], X, 333 с.

<Амвросий Оптинский, преподобный> Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. 2-е изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с дополнениями. Сергиев Посад, 1908. Репринтное издание. 239, [6] с.

<Антонов М.> Федоров М. Гоголь и Оптина Пустынь // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 68–72.

Антонов М. Гоголь и Оптина Пустынь. К истории второго тома «Мертвых душ» // Учительская газета. М., 1990. № 22. Май.

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888–1910.

<Бастамова Е.Н.> Из воспоминаний Елизаветы Николаевны Бастамовой // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 248–251.

Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Т. 4. Н. Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. 415 с.

¹ *Зеньковский В., проф., прот<опресвитер>.* Н.В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 253–254.

² *Субботин Н.* Из истории раскола в первые годы царствования Императора Александра II // Духовнополезное чтение. 1900. Ч. 1. С. 596.

³ *Образцов Ф., протоиерей.* О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 128.

Виноградов И.А. Гоголь в Ржеве в 1849 году: о неизвестной поездке писателя // Вестник славянских культур. М., 2015. № 4(38). С. 98–106.

Виноградов И.А. «Отрекись от Пушкина!» Требовал ли этого от Гоголя протоиерей Матфей Константиновский? // Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М., 2018. С. 255–266. – (Серия «Вера и судьба»).

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. 336 с.

Воропаев В.А. Записки доктора А.Т. Тарасенкова о последних днях жизни Н.В. Гоголя: научно-критический анализ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru 2018. Т. 1. № 1. С. 23–54.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Грещищев Н. Очерк жизни в Бозе почившего ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского // Странник. 1860. № 12. С. 245–292.

Дурылин С. Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 65–68.

<*Жуковский В.А.*> Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского / Редкол.: Ф.З. Канунова (гл. ред.), И.А. Айзикова (подгот. текста и приложений), Д.В. Долгушин (подгот. текста, приложений и коммент.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 566 с.

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примеч. Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 664 с.

Зеньковский В., проф., прот<опресвитер>. Н.В. Гоголь. Париж: YMCA PRESS, <1961>. 262 с.

Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Поучения на Св. Четырдесятницу на молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Акционерная рекламная-издательская компания «Арико», 1995. 112 с. [Репринт: Одесская Типо-хромолитография М. Соколовской, 1910.]

Искатель непрестанной молитвы, или Откровенный рассказ странника духовному своему отцу: по новообретенной рукописи / Издание подгот. священник Георгий Павлович. М.: АНО Информационно-издательский центр «К Свету», 2014. 272 с.

Матвеев П.А. Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями: историко-литературный очерк. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. XXI, 152 с. [Репринт: СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1894.]

Михаил (Козлов), архимандрит. Записки и письма / Богородице-Рождественский Бобренев монастырь Московской епархии; издание подгот. И.В. Басин. М., 1996. 160 с.

Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские епархиальные ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 128–141.

Пентковский А.М. История текста и автор «Откровенных рассказов странника» // Богословские труды. Вып. 47–48 / Отв. ред. Е.С. Полищук; науч. ред. М.М. Бернацкий, А.Г. Дунаев. М., 2018. С. 343–448.

Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Лепта Книга, 2009. 512 с.

<Попова Е.И.> Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / Под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публичная историческая библиотека России. М, 2013. 320 с. – (Серия «Вглядываясь в прошлое»).

[Печ. по изд.: Попова Е.И. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. XV, 283 [6] с. – (Из московской жизни сороковых годов).]

Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915) / [Вступ. статья В. Воропаева; протоиерея А. Шабанова]. Тверь, 2017. 496 с.

Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.

Смирнов А.И. Из последних лет жизни и литературной деятельности Н.В. Гоголя // Русский филологический вестник. Варшава, 1902. № 3–4. С. 442–468.

Субботин Н. Из истории раскола в первые годы царствования Императора Александра II // Душеполезное чтение. 1900. Ч. 1. С. 587–602.

Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. 2-е изд., доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.

Уракова Н. «...Прошу вас выслушать сердцем мою “Прощальную повесть”...» (О духовных причинах смерти Н.В. Гоголя) // Лепта. М., 1996. № 28. С. 164–180.

<Феофан Затворник, святитель>. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и к Филиппийцам. М.: Московский Сретенский монастырь; Паломник; Правило веры, 1998 / Репринтное издание: М.: Издание Русского Пантелеимонова монастыря, 1892. 464 с.

Филиппов Т.И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // Филиппов Т.И. Русское воспитание / Сост., предисл. и коммент. С.В. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 342–361.

Ходаков Г. Был ли Гоголь в Ржеве // Ржевская правда. 1936. 18, 20 октября. № 243, 244.

Щеглов И. Подвижник слова: Новые материалы о Н.В. Гоголе. СПб.: «Мир» В.Л. Богусhevского, 1909. [4], 178, [1] с.

REFERENCES

Aggeev K., priest. (1909) Christianity and Its Point on the Perfecting of Life on Earth: An Experience of Critical Study and Theological Evaluation through K.N. Leontiev's Understanding of Christianity. Kiev. Printing House “Petr Barsky”. [2], X, 333 p.

<Amvrosy Optinsky, reverend>. A Collection of Letters of Blessed memory of Optinsky Starets Ieroshimonakh Amvrosy to Worldly Persons. Part 1. 2nd ed. Kozelskaya Vvedenskaya Optina Pustyn, with additions. Sergiev Posad, 1908. Reprint. 239, [6] p.

<Antonov M.> Fedorov M. Gogol and Optina Pustyn. *Journal of the Moscow Patriarchate*. Moscow. 1988. No 11, pp. 68–72.

Antonov M. Gogol and Optina Pustyn. On the History of the Second Volume of “Mertvye Dushi” [“Dead Souls”]. *Uchitelskaya Gazeta*. Moscow. 1990. No 22. May.

Barsukov N.P. Barsukov N.P. Life and Works of M.P. Pogodin: In 22 vols. St.-Petersburg. M.M. Stasyulevich Printing House. 1888–1910.

<Bastamova E.N.> From the Memoirs of Elizabeth Bastamova. In: A Collection of the Tver Society of History, Archeology and Natural History Amateurs. Tver. 1903. Issue 1, pp. 248–251.

Durylin S. The Unpublished Letter of priest Matthew to Nikolai Gogol. *Vesy*. 1909. No 4, pp. 65–68.

Filippov T.I. Memories about Count Alexander Petrovich Tolstoy. In: Filippov T.I. Russian Upbringing / Comp., introduct. and comment. by S.V. Lebedev; respons. ed.: O.A. Platonov. Moscow. Institute of Russian Civilization Press. 2008, pp. 342–361.

Gogol N.V. The Complete Works: In 17 vols. / Comp., prepar. of the texts, comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publishing House. 2009–2010.

Gogol in Memoirs, Diaries, Correspondence Contemporaries. The Full Systematic Corpus of Documentary Evidenments. Scientific-critical edition: In 3 vold. / Prepar. by I.A. Vinogradov. Moscow. IWL RAS Publ. 2011–2013.

Greshishchev N. Essay on the life in Bose of the late Rzhev archpriest Fr. Matthew Alexandrovich Konstantinovsky. *Strannik*. 1860. No 12, pp. 245–292.

Innocent, Archbishop of Kherson and Tauride. Teachings on the Holy Fourth Prayer for St. Ephraim Sirin “Lord and Master of my belly”. Moscow. 1995. 112 p. [Reprint: Odessa Ti-po-chromolithography of M. Sokolovskaya, 1910.]

Khodakov G. Was Gogol in Rzhev? *Rzhevskaya Pravda*. 1936. 18, 20 October. No 243, 244.

Matveev P.A. Nikolai Vasilyevich Gogol and his Correspondence with Friends: A Historical and Literary Essay. 2nd ed. Moscow. LENAND Publ. 2016. XXI, 152 p. [Reprint: St.-Petersburg: Typography of the Partnership “Obshchestvennaya Polza”, 1894]

Mikhail (Kozlov), archimandrite. (1996) Notes and Letters / Virgin-Christmas Bobrenev Monastery of Moscow Diocese; ed. prep. by I.V. Basin. Moscow. 160 p.

Obraztsov F., archpriest. Father Matthew Konstantinovsky, Archpriest of the Rzhevsky Cathedral. According to my Memories. *Tverskie Eparkhialnye Vedomosti*. 1902. No 5. March 1. The Unofficial Part, pp. 128–141.

Pentkovsky A.M. History of the Text and the Author of “Otkrovennye Rasskazy Strannika” (“Candid Stories of the Wanderer”. In: Theological Works. Issues 47–48 / Ed. in charge: Ye.S. Polishchuk; science ed. M.M. Bernatsky, A.G. Dunaev. Moscow. 2018, pp. 343–448.

Pogodin M.P. (2009) Simple speech about tricky things. Moscow. Lepta Kniga Publ. 512 p.

<Popova E.I.> Diary of Elizaveta Ivanovna Popova. 1847–1852 / Ed. by prince N.V. Golitsyn; introduct. of L.V. Belovinsky; State Public Historical Library of Russia. Moscow. 2013. 320 p. (Series “Peering into the Past”.)

[Print.: Popova E.I. Diary of Elizaveta Ivanovna Popova / Ed. by prince N.V. Golitsyn. St.-Petersburg. 1911. XV, 283 [6] p. (From the Moscow Life of the Forties).]

Rasev A.I., <Archpriest>. (2017) Essay on the Life... of the Late Rzhev Archpriest Father Matthew Alexandrovich Konstantinovsky: Full Edition (1860–1890–1915) / [Introductory Articles: V. Voropaev; A. Shabanov, Archpriest]. Tver. 496 p.

Sedakova O.A. (2008) Dictionary of difficult words of worship: Church Slavonic-Russian Paronyms. Moscow. Greek-Latin Cabinet of Yu.A. Sichalin. 432 p.

Seeker of Unceasing Prayer, or A Frank Story of a Wanderer Addressed to the Spiritual Father: According to a New-found Manuscript / Ed. prep. by priest Georgy Pavlovich. Moscow. Publishing House “K Svetu”. 2014. 272 p.

Shcheglov I. (1909) The Word’s Ascetic: New Materials About N.V. Gogol. St.-Petersburg. “Mir” of V.L. Bogushevsky. [4], 178, [1] p.

Smirnov A.I. Out of the Last Years of the Life and Literary Activity of N.V. Gogol. *Russky Filologichesky Vestnik*. Warsaw,.1902. No 3–4, pp. 442–468.

Subbotin N. From the History of the Split in the Early Years of the Reign of Emperor Alexander II. In: Dushepoleznoe Chtenie. 1900. Part. 1, pp. 587–602.

Tarasenkov A.T. (1902) The last days of the life of N.V. Gogol. 2nd ed., with additions from the manuscript. Moscow. [2], 33 p.

<Theophan the Recluse, saint>. Creations of the Saints Our Father Theophan the Recluse. Interpretations of the Epistles of the Apostle Paul. Epistle to the Colossians and Philippians. Moscow. 1998 [Reprint: Moscow. Edition of the Russian Panteleimon Monastery. 1892. 464 p.]

Urakova N. "... I Ask you to Listen Heartly to my *Farewell Tale...*" (On the Spiritual Causes of Death N.V. Gogol). *Lepta*. Moscow. 1996. No 28, pp. 164–180.

Varnava (Belyaev), bishop. The Basics of the Art of Holiness. The Experience of the Recital of Orthodox Asceticism: In 4 vols. Vol. 4. Nizhny Novgorod. Edition of the Brotherhood in the name of St. Prince Alexander Nevsky. 1998. 415 p.

Vinogradov I.A. Gogol in Rzhev in 1849: About an Unknown Trip of the Writer. *Bulletin of Slavic Cultures*. Moscow. 2015. No 4(38), pp. 98–106.

Vinogradov I.A. "Renounce Pushkin!" Did archpriest Matthew Konstantinovsky Require it from Gogol? In: Vinogradov I.A. *Passions for Gogol. On the Spiritual Heritage of the Writer*. Moscow. 2018, pp. 255–266. (Series "Faith and Fate".)

Voropaev V.A. (2014) Nikolai Gogol: Experience Spiritual Biography. 2nd ed., revised supplemented. Moscow. Palomnik Publ. 336 p.

Voropaev V.A. Notes of Dr. A.T. Tarasenkova about the Last Fays of the Life of N.V. Gogol: scientific-critical analysis. *Yazyk i Tekst. langpsy.ru* 2018. Vol. 1. No 1, pp. 23–54.

Zenkovsky V., professor, protopresbyter. N.V. Gogol. Paris. YMCA PRESS. <1961>. 262 p.

<Zhukovsky V.A.> New Testament of Our Lord Jesus Christ. Translated of V.A. Zhukovsky / Editorial Board: F.Z. Kanunova (chief ed.), I.A. Ayzikova (prep. of texts and additional), D.V. Dolgushin (prep. of texts and additional and comments.). St.-Petersburg. Dmitry Bulanin Publ. 2008. 566 p.

Zhukovsky V.A. The Complete Works and Letters: In 20 vols. Vol. 11 (the second half-volume): Our Lord Jesus Christ the New Testament in the translation of V.A. Zhukovsky / Comp., introduct. paper, comment. of D.V. Dolgushin; prep. of the text by F.Z. Kanunova, I.A. Ayzikova, D.V. Dolgushin; ed.: D.V. Dolgushin, A.S. Yanushkevich. Moscow. YaSK Publishing House. 2016. 664 p.

Сведения об авторе:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru